

RU

Надежда и отчаяние как экзистенциалы метамодернизма (на примере лирики Александра Красовицкого)

Попова В. В.

Аннотация. Статья посвящена философско-литературному анализу категорий надежды и отчаяния в контексте метамодернистской парадигмы на примере лирики Александра Красовицкого. Цель исследования – выявление специфики метамодернистского понимания надежды и отчаяния как взаимосвязанных экзистенциалов. Научная новизна исследования заключается в разработке авторской трактовки взаимосвязи надежды, отчаяния и веры как динамической триады метамодернистского опыта. В работе впервые показано, что в метамодернистском мировосприятии надежда понимается не как противоположность отчаянию, а как способ его внутреннего преодоления, при котором сам опыт пустоты не исчезает. Категории надежды и отчаяния сосуществуют, помогая субъекту не утратить связь со смыслом. Подобное понимание позволяет рассматривать лирику как своеобразную эмоциональную карту метамодернистского человека. В результате в статье предложена трактовка надежды как сознательного экзистенциального выбора, совершаемого в условиях утраты устойчивых смысловых оснований. В ходе исследования показано, что отчаяние в метамодернистском контексте утрачивает исключительно деструктивный характер и осмысляется как форма предельной честности субъекта перед опытом пустоты. Установлено, что вера выступает экзистенциальным основанием, позволяющим надежде сохранять свою подлинность и не превращаться в иллюзию. Это внутреннее основание находит свое выражение в поэтическом тексте, который функционирует в метамодернизме как пространство философского высказывания, фиксирующее новые формы переживания смысла, неопределенности и внутреннего сопротивления.

EN

Hope and despair as metamodernist existentials (based on Alexander Krasovitsky's poetry)

V. V. Popova

Abstract. The article provides a philosophical and literary analysis of the categories of hope and despair within the metamodernist paradigm, using the poetry of Alexander Krasovitsky as a case study. The research aims to identify the specific metamodernist understanding of hope and despair as interconnected existentials. The scientific novelty lies in the development of an original interpretation of the relationship between hope, despair, and faith as a dynamic triad of the metamodernist experience. For the first time, it is demonstrated that in the metamodernist worldview, hope is understood not as the opposite of despair, but as a means of its internal overcoming, in which the experience of the void itself does not vanish. The categories of hope and despair coexist, helping the subject maintain a connection with meaning. Such an understanding allows for the consideration of lyric poetry as a kind of emotional map of the metamodernist individual. As a result, the article proposes a reading of hope as a conscious existential choice made amidst the loss of stable foundations of meaning. The study shows that despair in a metamodernist context loses its exclusively destructive character and is conceptualized as a form of the subject's ultimate honesty toward the experience of the void. It is established that faith serves as the existential foundation that allows hope to maintain its authenticity and prevents it from turning into an illusion. This internal foundation finds expression in the poetic text, which functions in metamodernism as a space for philosophical utterance, capturing new forms of experiencing meaning, uncertainty, and internal resistance.

Введение

Надежда – эмоциональное, психологическое и духовное состояние, связанное с ожиданием желаемого, поддерживаемым уверенностью в возможности его осуществления. Как основное настроение человека, взгляд которого устремлен не столько на фактическое данное, сколько на будущее, надежда означает не критическую

оценку как возможности, так и действительности желаемого. Она опирается на безоговорочную веру, которая стоит на пути мышления, соответствующего фактическому положению вещей, и деятельности. Надежда является основным принципом всех утопий (Философский словарь. 2012. <https://www.harc.ru/>). Отчаяние (от лат. “de-sperare” – упасть с высоты своей надежды) – разочарование, влекущее за собой состояние подавленности и бездействия; состояние того, кто сомневается во всем, т. е. чувство абсурдности всех вещей (Философский словарь. 2000. https://philosophy_dictionary.academic.ru/).

Категории надежды и отчаяния на протяжении всей истории философии занимают особое место, отражая глубинные изменения в понимании человеческого существования. От античного представления о надежде как божественном даре и отчаянии как нравственном падении до экзистенциального осмысления этих состояний как фундаментальных форм бытия – они неизменно служили зеркалом эпохи. В современном мире, переживающем кризис смыслов и обострение глобальных противоречий, интерес к данной проблематике вновь возрастает. На смену постмодернистскому релятивизму приходит метамодернистская чувствительность, для которой характерно стремление объединить иронию и искренность, скепсис и веру, отчаяние и надежду.

Актуальность темы определяется необходимостью осмыслить социокультурную парадигму, формирующуюся в начале XXI века. Метамодернизм, описанный Тимотеусом Вермюленом и Робинот ван ден Аккером (2015), предлагает концепцию колебания (осцилляции) между противоположными эмоциональными и философскими состояниями. В рамках этой парадигмы отчаяние рассматривается как момент осознания пределов, за которым возникает обновленная надежда, не наивная и утопическая, а осознанная и деятельная. Именно такое понимание эмоциональной структуры современности делает тему надежды и отчаяния ключевой для анализа антропологии метамодернизма.

Исследование направлено на раскрытие того, как в современной лирике (на примере творчества Александра Красовицкого) надежда и отчаяние перестают функционировать как противоположные состояния и предстают взаимосвязанным ритмом внутренней жизни лирического субъекта – ритмом, в котором отчаяние становится экзистенциальным условием возникновения надежды, а надежда, в свою очередь, выступает способом внутреннего преодоления отчаяния, не устраняя самого опыта пустоты.

Задачи исследования:

1. Проследить эволюцию философских представлений об отчаянии и надежде от античности до современной мысли.
2. Раскрыть специфику метамодернистского понимания надежды и отчаяния как взаимосвязанных экзистенциалов, находящихся в режиме осцилляции.
3. Проанализировать поэтические тексты Александра Красовицкого как художественную репрезентацию метамодернистского опыта человека.

Методологическая основа исследования сочетает: 1) метод философско-литературной компаративистики, позволяющий выявить специфику метамодернистской интерпретации категорий надежды и отчаяния, а также проследить трансформацию их философского содержания в сопоставлении с предшествующими трактовками; 2) феноменологический метод, направленный на анализ переживания пустоты, надежды и отчаяния как экзистенциальных состояний лирического героя, а также на выявление их структуры; 3) герменевтический метод, применяемый для интерпретации лирических текстов Александра Красовицкого как пространства философского высказывания, в котором репрезентируются метамодернистские формы чувственности, осцилляции и внутреннего сопротивления; 4) интердисциплинарный метод, обеспечивающий синтез философского и литературоведческого подходов при исследовании поэтического текста как формы репрезентации современного экзистенциального опыта.

Теоретическую базу исследования составляет междисциплинарный синтез метамодернистской теории, философской антропологии, экзистенциальной философии, герменевтики и современной философии культуры.

Концепция метамодернизма, разработанная в трудах Тимотеуса Вермюлена и Робина ван ден Аккера (2015), позволила рассмотреть надежду и отчаяние как взаимосвязанные экзистенциалы, функционирующие в режиме осцилляции между искренностью и иронией, верой и сомнением, смыслом и пустотой. Их теория задавала методологическую рамку для интерпретации метамодернистской чувствительности как культурно-философского феномена.

Экзистенциально-антропологическое измерение исследования опирается на философию Серена Кьеркегора (2022), в которой отчаяние осмысляется как предельное состояние субъекта, а также работы Мартина Хайдеггера (2023), позволившие рассмотреть пограничные переживания, тревогу и опыт «Ничто» как основания экзистенциального самопонимания человека.

Философия надежды раскрывается через концептуальные положения Эрнста Блоха (1991), интерпретирующего надежду как онтологический принцип человеческого сознания, направленного в будущее, а также герменевтику Поля Рикера (2003), в которой надежда соотносится с символическими структурами смысла и веры.

Для анализа постмодернистского контекста утраты метанарративов и кризиса смысловых оснований использованы идеи Жан-Франсуа Лиотара (1998) и Фредерика Джеймисона (1998), позволившие осмыслить культурно-исторические предпосылки возникновения метамодернистской надежды как реакции на постмодернистский скепсис.

Герменевтический и философско-поэтический анализ опирается на принципы интерпретации художественного текста как формы философского высказывания, разработанные в рамках современной философии культуры и литературной герменевтики.

Синтез указанных подходов позволяет рассматривать лирику Александра Красовицкого как пространство репрезентации метамодернистского экзистенциального опыта, в котором надежда, отчаяние и вера образуют единую динамическую структуру.

Практическая значимость статьи заключается в том, что она способствует более глубокому пониманию культурных и эстетических трансформаций в современной лирике и может быть использована в исследованиях и образовательной практике изучения новых социокультурных парадигм.

Обсуждение и результаты

Историография вопроса представлена через обзор философских интерпретаций понятий надежды и отчаяния. Проблематика надежды и отчаяния имеет глубокие философские корни и на протяжении истории претерпела значительные смысловые трансформации. Уже в античности эти категории рассматривались как ключевые для понимания человеческого существования.

Надежда впервые концептуализируется у Гесиода (2024) в «Трудах и днях»: после того как Пандора открыла ящик и выпустила все беды, внутри осталась только *эльпис* – надежда. Таким образом, проявляется амбивалентность надежды: она может быть как утешением, так и иллюзией, удерживающей человека в страдании.

Античная философия заложила три ключевых подхода к пониманию отчаяния и надежды: рационально-этический (Сократ, Аристотель), стоико-апатический (Сенека, Марк Аврелий), гедонистически-натуралистический (Эпикур, Лукреций).

Сократ утверждал, что отчаяние есть результат неведения (Платон, 1990). Платон в «Федоне» (1993) и «Федре» (2017) рассматривает отчаяние как следствие порабощения души телесными желаниями, а надежду как философскую добродетель, связанную с познанием истинного и вечного. Таким образом, надежда становится формой разумного устремления к истине, состоянием души, ориентированной на вечное. Согласно Аристотелю (2019), надежда – ожидание добра, которое представляется возможным достичь, в то же время отчаяние – состояние, когда субъект теряет представление о достижимости блага.

Стоики отвергали как надежду, так и отчаяние, считая их страстями, нарушающими душевное равновесие. Стоические идеал – принятие необходимости и отказ от эмоциональных крайностей: «Не требуй, чтобы события совершались так, как тебе хочется, но принимай происходящее таким, какого оно есть, и будешь счастлив» (Эпиктет, 2012.). Согласно Марку Аврелию (2025), отчаяние – иллюзия, возникающая от неверной интерпретации событий; надежда опасна, ибо привязывает человека к непостоянному миру. Гедонисты трактовали отчаяние как следствие страха перед смертью и богами, в свою очередь надежда – это умеренное ожидание удовольствия, основанное на разумном управлении желаниями (Эпикур, 1986; Лукреций, 2022). Скептики видели в отчаянии результат чрезмерной привязанности к догмам и убеждениям. Надежда понимается как временная установка, не имеющая статуса (Секст Эмпирик, 1913).

Средневековая философия воспринимала человека как существо, зависимое от Бога. Отчаяние и надежда рассматривались через призму состояния души, ее греховности и стремления к спасению. В «Исповеди» Августина Блаженного (2022) отчаяние является следствием греха и неправильного упования на мирские вещи, избавиться от которого можно только через покаяние и доверие Богу. Фома Аквинский (2012) в «Сумме теологии» выделяет три теологические добродетели: вера, надежда, любовь. Надежда – активная позиция души, ориентированная на спасение, она противоположна греховному отчаянию.

В XIV в. на фоне христианской традиции начинают проявляться гуманистические и рационалистические взгляды. Человек становится центром внимания философов, а судьба – не только вопрос Бога, но и человеческой свободы и усилия. В гуманистической мысли отчаяние часто связано с трагическим положением человека в мире, с осознанием его конечности и ограниченности возможностей. Итальянские гуманисты (Пико делла Мирандола, Леон Баттиста Альберти) воспринимали отчаяние как следствие утраты гармонии с собственными способностями и нравственного идеала. Надежда превращается в осознанную установку на самосовершенствование и развитие разума (Пико делла Мирандола). Данное философско-антропологическое понимание находит отражение в художественной культуре: в литературе отчаяние связано с личным, эмоциональным и моральным испытанием, а надежда – с духовным и культурным возрождением (Алигьери, 2025).

Философы Нового времени (Рене Декарт, Мишель Монтень, Томас Гоббс) начинают рассматривать отчаяние и надежду как рациональные состояния, связанные с пониманием мира и человеческой свободы. Согласно Рене Декарту (1995), отчаяние возникает от сомнения и недостатка ясного знания о мире и себе; надежда – рациональная ориентация, основанная на методе и разуме, который позволяет достичь уверенности. Мишель Монтень (2025) писал о том, что разум и самопознание помогают справиться с тревогой и отчаянием, а надежда возникает через признание своей ограниченности и способность к «саморазмышлению».

В позднем Ренессансе и в Новое время развивается идея личной ответственности человека за судьбу. Надежда и отчаяние перестают быть только духовными категориями, они становятся этическими, рациональными и психологическими состояниями, которые человек может осознанно регулировать. Формируются предпосылки современного понимания метамодернистской колебательной модели между отчаянием и надеждой (Гоббс, 2025).

В философии Просвещения человек способен понимать мир с помощью разума, а будущее подчинено законам природы и социального прогресса. Следовательно, отчаяние связывается с невежеством, суевериями, социальными несправедливостями. В свою очередь надежда выступает как вера в прогресс, разум и социальные реформы (Кант, 2019). В «Критике практического разума» Иммануил Кант (2019) связывает надежду

с моральным долгом и уверенностью в справедливость мира. Романтики видели в отчаянии проявление творческого страдания, а в надежде – форму внутреннего преодоления (Гете, 2013).

Ключевое значение для дальнейшего осмысления этих понятий имели труды Серена Кьеркегора, Фридриха Ницше и Карла Маркса. Серен Кьеркегор (2022) в работе «Болезнь к смерти» рассматривал отчаяние как экзистенциальное состояние «Я», оторванного от своего основания, а надежду как акт веры, позволяющий обрести подлинное существование. Фридрих Ницше (2015), напротив, интерпретировал надежду как «злейшее из зол», но при этом видел в ее преодолении возможность творческого самоутверждения. Марксистская традиция сместила акцент в сторону социальной интерпретации: отчаяние становится симптомом отчуждения, а надежда – формой исторического сознания и борьбы за будущее (Маркс, Энгельс, 2022).

В русской философии проблема надежды и отчаяния становится частью антропологического вопроса: что значит быть человеком в мире, где сталкиваются вера и разум? Александр Герцен (2021) понимал надежду в контексте исторического оптимизма и веры в прогресс, но уже у него появляется трагическое осознание ее пределов. В письмах и дневниках он пишет о «безысходности истории» и «страшном одиночестве человека среди идей» (Герцен, 2021, с. 600-628). Надежда, по Александру Герцену, вера «в человека, даже когда человек рушится» (2021, с. 420). Федор Достоевский придает категориям надежды и отчаяния экзистенциально-религиозное измерение. Он понимает отчаяние как утрату связи с Богом, бунт против Творца. Надежда в мире Федора Достоевского (2018) – «чудо от веры», возникающее вопреки абсурду.

На рубеже XIX-XX вв. русская философия переживает мощный подъем, и категории надежды и отчаяния обретают онтологическую и эсхатологическую глубину. В трудах Владимира Соловьева (2021) надежда рассматривается как движущая сила всеединства, как ожидание преображения мира и соединения человека с Богом. В философии Николая Бердяева (2019) отчаяние – это расплата за свободу, но именно из него рождается подлинная надежда, как вера Творца, созидающего смысл в бездне.

Особую роль в развитии понятия надежды сыграл философ Эрнст Блох (1991), автор фундаментального труда «Принцип надежды». Он рассматривал надежду как движущую силу человеческой истории и как онтологическое основание утопического мышления. В отличие от религиозного упования, у Эрнста Блоха надежда понимается как активная категория, выражающаяся в искусстве, мечте, творчестве. Эта концепция оказала значительное влияние на последующую философию XX в., в частности на экзистенциализм и постмодернизм.

В середине XX в. категории надежды и отчаяния получают новое прочтение в рамках экзистенциальной философии. Жан-Поль Сартр (2025) в «Бытии и ничто» рассматривает отчаяние как осознание отсутствия внешних гарантий человеческого поступков, а надежду как следствие свободного выбора и действия вопреки абсурду. Альберт Камю (2025) в «В мифе о Сизифе» приходит к идее «счастливого Сизифа» – человека, который принимает бессмысленность бытия, но продолжает действовать, тем самым утверждая надежду через акт протеста.

В постмодернизме распадаются универсальные нарративы надежды. Становится невозможна вера в линейный прогресс, трансцендентную истину или спасение. Надежда редуцирует до фрагментарных, локальных форм, а отчаяние становится частью иронической дистанции и культурного цинизма (Rorty, 1999).

В начале XXI в. формируется метамодернизм – социокультурная концепция, предложенная Тимотеусом Вермюленом и Робинотом ван ден Аккером (2015). Авторы определяют метамодернизм как состояние постоянного колебания между противоположными полюсами – иронией и искренностью, скепсисом и верой, отчаянием и надеждой. В отличие от постмодернистской иронии и модернистского пафоса, метамодернизм строится на способности осознавать сложность и противоречивость мира, но при этом сохранять стремление к смыслу и действию.

В художественной культуре эта установка выражается в поиске подлинности и эмоциональной честности, часто через формы, соединяющие иронию и экзистенциальную чувственность. В современной поэзии подобное мировосприятие проявляется в лирике Александра Красовицкого. Его тексты, объединяющие постироническое сознание и внутреннюю эстетическую напряженность, демонстрируют именно то состояние «осознанной уязвимости», о котором пишут исследователи метамодернизма (Метамодернизм..., 2021).

Лирика Александра Красовицкого позволяет рассматривать метамодернистскую диалектику надежды и отчаяния как экзистенциальный опыт, воплощенный в художественной форме. В его стихах надежда не противоположна отчаянию, а возникает из него как ответ на внутренний кризис и как форма сохранения человечности в постмодернистском мире.

Теоретики метамодернизма отмечают, что современное искусство существует в режиме «колебания», где ирония не разрушает искренность, а делает ее осознанной (Вермюлен, Аккер, 2015). Именно эта «информационная наивность» позволяет говорить о новом типе переживания – постиронической надежде, возникающей из отчаяния. Подобная тенденция находит выражение в поэзии ряда поэтов-метамодернистов, для которых характерно сосуществование уязвимости и рефлексии, травматического опыта и стремления к смыслу, в частности, в творчестве Оушен Вуонг (Vuong, 2019) надежда проявляется через язык уязвимости и телесной памяти. В лирике Александра Красовицкого данное мировосприятие получает особенно концентрированное выражение. Его лирический герой существует в состоянии предельной внутренней напряженности, где надежда и отчаяние сосуществуют, взаимно усиливая и углубляя экзистенциальный опыт:

*«Вот рухнули все мосты, дороги больше нет
И нам с тобой осталось пойти напиться
Но даже среди темноты я вижу лунный свет
Что отражают наши смешные лица*

*Снизу черти, сверху Бог, а между ними
Паутиною дорог течёт жизнь, и мы в ней
Как деревья под дождём стоим и гнёмся
Ночь длинна, она пройдёт, и мы прорвёмся...»* (Красовицкий, 2020).

Это сосуществование отражает фундаментальное переживание утраты устойчивых смысловых опор, характерное для современного экзистенциального опыта. В этом контексте для творчества автора становится принципиально важным понимание надежды как акта внутреннего сопротивления пустоте. Пустота выступает экзистенциальным вызовом – одним из ключевых переживаний современного человека.

Постмодернизм рассматривает мир как фрагментарный, лишенный устойчивых нарративов и жестких смыслов. Такой подход порождает чувство пустоты, отчуждения и утраты центра, поскольку любые устойчивости оказывались относительными и деконструированными. Метамодернизм, принимая пустоту как фон человеческого опыта, пытается найти способ с ней жить. Следовательно, пустота перестает быть символом безысходности и становится точкой отсчета для новых философских смыслов.

Эта установка получает художественное выражение в метамодернистской поэзии, где пустота все чаще осмысливается как пространство потенциальности. Так, в текстах Тумаса Транстремера (2012) тишина и намеренные паузы в речи создают ощущение внутренней сосредоточенности. Сходную тенденцию можно наблюдать у Чарльза Симики (2019), в чьей поэтике фрагментарность и абсурд повседневности парадоксальным образом сосуществуют с метафизическим доверием к миру.

В метамодернизме пустота может стать местом аффективной насыщенности, когда через осознание отсутствия устойчивого смысла возникает более глубокое эмоциональное переживание, включающее и надежду, и отчаяние одновременно. Надежда здесь – это отказ от окончательного нигилизма. Она противопоставляет пустоте через сохранение чувствительности. Быть способным надеяться – значит быть готовым к разочарованию и не избегать этого риска. Однако подобная открытость невозможна без более глубокого экзистенциального основания, которым выступает вера:

*«...Спесь и нищета –
Вот смесь, что нам дана
в отместку за дела
Была ли вера?
Блеск, я верю – мир воскреснет
Ничего чудесней.
Я забуду все мои песни.
Я не следую им,
Я наследую грим,
От отца пол-лица,
И от маминых зим...»* (Красовицкий, 2011а).

Вера в метамодернизме – своего рода экзистенциальное согласие продолжать отношение с миром, даже осознавая его неопределенность. Она становится решением и, чтобы это решение не растворилось в повседневности, необходима надежда, которая перестает быть ожиданием счастливого исхода. Она не направлена на конкретный результат и не обещает утешение. Надежда – способ жить с верой, не отрекаясь от отчаяния.

В творчестве Александра Красовицкого лирический герой живет в этом колебании, и именно оно становится формой подлинности. Это приближает его к традиции экзистенциализма, однако, в отличие от трагической безысходности модернистского субъекта, лирический герой метамодернизма не стремится преодолеть отчаяние, а живет в нем, извлекая из него энергию. Это состояние роднит его с поэтическими практиками других метамодернистов:

*«...Сцена – место для тех, чей крест в себе копать
Плакать навзрыд, на поворотах терять себя
Жить не придумано, а на разрыв связок
Мама говорит: “Ты убиваешь себя”
Мама, так надо...»* (Красовицкий, 2011б).

В лирике надежда и отчаяние представляются как взаимозависимые состояния. Отчаяние в стихах – это форма боли, через которую рождается смысл, а надежда – внутренний импульс быть несмотря на бессмысленность:

*«...Я как загнанный зверь
Под кустом в степи
Но есть разница в том:
Зверя гонит страх
Меня гонит огонь
Что внутри кипит...»* (Красовицкий, 2018а).

Отчаяние у автора близко к понятию «экзистенциального предела»: это момент, в котором человек сталкивается с бездной, но именно там возникает возможность духовного подъема. Такое понимание отчаяния выводит лирику Александра Красовицкого за рамки постмодернистской иронии: если постмодерн фиксировал бессмысленность, то метамодернизм принимает бессмысленность как условие возможной надежды.

Сходные тенденции обнаруживаются в творчестве других поэтов метамодернистской чувственности. У Оушена Вуонга (Vuong, 2019) переживание травмы доводится до предела личного опыта, однако именно

в этой предельности рождается возможность бережного отношения к миру. У Трейси К Смит (Smith, 2011) космическая перспектива и мотивы одиночества во Вселенной открывают пространство надежды. Таким образом, отчаяние у метамодернистов функционирует как граница, переход через которую делает возможным новый тип надежды: выстраданной, возникающей внутри самого опыта экзистенциальной бездны:

«...Всё, что может моя красота – лишь затягивать лямки

На своём парашюте

И прощально махнув

С улыбкой прыгнуть вниз

Было так, есть

И так этому быть

Только под смертью

Хочется жить...» (Красовицкий, 2018b).

Лирический герой постоянно балансирует между разрушением и созиданием. Отсюда черты постиронии: он может говорить о боли с самоиронией, но эта ирония не разрушает чувство, а лишь подчеркивает его глубину. Сочетание уязвимости и внутреннего достоинства формирует новую эстетическую чувственность, где надежда существует внутри отчаяния, а не вне его.

В метамодернистской лирике надежда и отчаяние неразделимы. Надежда без отчаяния становится поверхностной, отчаяние без надежды – разрушительным. У Александра Красовицкого это напряжение оказывается источником поэтической энергии. Его лирика утверждает саму возможность искать ответ:

«...И петь – вот мой личный, идеальный

Чёртов способ выжить» (Красовицкий, 2018с).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что категории надежды и отчаяния в метамодернистской парадигме утрачивают статус бинарных противоположностей и обретают характер взаимосвязанных экзистенциалов, формирующих ритм внутренней жизни современного человека. В отличие от классических философских традиций, где надежда понималась как преодоление отчаяния, а отчаяние – как его отрицание, метамодернизм фиксирует их сосуществование в режиме постоянного колебания. Это колебание становится формой подлинного существования в условиях утраты универсальных смысловых основ.

Анализ лирики Александра Красовицкого показал, что поэтический текст может выступать не только объектом эстетического рассмотрения, но и пространством философского высказывания. Его лирический герой представляет метамодернистский тип субъекта – уязвимого, осознающего пустоту и неопределенность мира, но не отказывающегося от внутреннего усилия быть и чувствовать. Надежда в этом контексте представляется как акт внутреннего сопротивления пустоте, как отказ от окончательного нигилизма и сохранение чувственности к миру, несмотря на риск разочарования. Отчаяние, в свою очередь, утрачивает деструктивный характер и осмысливается как экзистенциальный предел, из которого возможен новый импульс к созданию смыслов.

Особое значение в метамодернистской структуре приобретает вера, понимаемая как экзистенциальное согласие продолжать отношения с миром в условиях неопределенности. Вера становится тем внутренним решением, которое позволяет надежде не раствориться в иллюзии, а отчаянию – не перейти в форму окончательной капитуляции. Таким образом, надежда, отчаяние и вера образуют динамическую триаду, внутри которой разворачивается метамодернистский опыт.

В целом, анализ показал, что метамодернизм открывает новые возможности для понимания человеческого существования в ситуации смысловой неопределенности, а поэзия, в частности лирика Александра Красовицкого, оказывается важным пространством фиксации и переживания этой новой экзистенциальной чувственности.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики представляются многообразными. Во-первых, перспективным направлением является углубленное философское осмысление категории пустоты в метамодернизме с привлечением феноменологии и философии аффекта. Во-вторых, дальнейшего внимания заслуживает исследование связи метамодернистской надежды с религиозной и светской традициями веры, а также ее эстетического измерения в контексте современной культуры. В-третьих, продуктивными могут стать расширение литературного материала и сопоставительный анализ метамодернистских мотивов надежды и отчаяния в поэзии других современных авторов, что позволит выявить общие и индивидуальные модели экзистенциального переживания.

Материалы исследования | Research materials

1. Алигьери Д. Божественная комедия. М.: Эксмо, 2025.
2. Гете И. Страдания юного Вертера. М.: Азбука, 2013.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб.: Время, 2018
4. Красовицкий А. М. Бег // Ловец тишины. 2011а. <https://altwall.net/texts.php?show=zeropeople&number=180139>
5. Красовицкий А. М. Зверь // Красота. 2018а. <https://genius.com/Zero-people-beast-lyrics>
6. Красовицкий А. М. Красота // Красота. 2018b. <https://genius.com/Zero-people-beauty-lyrics>

7. Красовицкий А. М. Маятник // Ловец тишины. 2011b. <https://genius.com/Zero-people-pendulum-lyrics>
8. Красовицкий А. М. Подстава // Счастье. 2018с. <https://reproduktor.net/animal-jazz/podstava/>
9. Красовицкий А. М. Прорвемся // Конец равновесия. 2020. <https://genius.com/Zero-people-break-through-lyrics>
10. Симик Ч. Алхимия грошového магазина: искусство Джозефа Корнелла. СПб.: Jaromír Hladík press, 2019.
11. Транстремер Т. Стихи и проза. М.: ОГИ, 2012.
12. Smith T. K. Life on Mars. Minneapolis: Graywolf Press, 2011.
13. Vuong O. In Earth We're Briefly Gorgeous. N. Y.: Penguin Random House, 2019.

Источники | References

1. Августин Блаженный. Исповедь. М.: Омега-Л, 2022.
2. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления. М.: АСТ, 2025.
3. Аквинский Ф. Сумма теологии: в 13 т. М.: Либроком, 2012. Т. 1. Ч. II-II. Вопросы 17-18.
4. Аристотель. Риторика. М.: Эксмо, 2019.
5. Бердяев Н. А. О значении человека. М.: Амрита-Русь, 2019.
6. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление / сост. В. А. Чаликова. М.: Прогресс, 1991.
7. Вермюлен Т., Аккер Р. Заметки о метамодернизме. 2015. <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernizm/>
8. Герцен А. И. Былое и думы. М.: Азбука, 2021.
9. Гесиод. Теогония. Труды и дни. М.: АСТ, 2024.
10. Гоббс Т. Левиафан. М.: АСТ, 2025.
11. Декарт Р. Размышления о первоначальной философии. СПб., 1995.
12. Джеймисон Ф. Культурный поворот: избранный труды по постмодернизму. Лондон, 1998.
13. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе. М.: АСТ, 2025.
14. Кант И. Критика практического разума. М.: АСТ, 2019.
15. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2022.
16. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетея, 1998.
17. Лукреций. О природе вещей. М.: АСТ, 2022.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Эксмо, 2022.
19. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2021.
20. Монтень М. Опыты. М.: АСТ, 2025.
21. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2015.
22. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека. <http://platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka>
23. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
24. Платон. Федр. СПб.: РХГА, 2017.
25. Платон. Федон // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
26. Рикер П. Свобода и надежда // Рикер П. Конфликт интерпретаций. СПб.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2003.
27. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: АСТ, 2025.
28. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. 1913. https://nibiryukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_sextus_empiricus_outlines_of_pyrrhonism.htm
29. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Азбука, 2021.
30. Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Родина, 2023.
31. Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни). СПб.: Владимир Даль, 2012.
32. Эпикур. Письмо к Геродоту // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
33. Rorty R. Philosophy and social hope. 1999. <https://archive.org/details/philosophysocial000rort/page/n5/mode/2up>

Информация об авторах | Author information

Попова Виктория Владимировна¹, к. ист. н.

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» имени Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

Victoria Vladimirovna Popova¹, PhD

¹ Baltic State Technical University named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

¹ verakero@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.02.2026; опубликовано online (published online): 02.03.2026.

Ключевые слова (keywords): экзистенциал надежды; экзистенциал отчаяния; метамодернизм; современная лирика; Александр Красовицкий; existential of hope; existential of despair; metamodernism; contemporary poetry; Alexander Krasovitsky.